ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

SEMANARIO
"NUESTRO PAIS"
Organo Monárquico Ruso

Correo Argentino Central B.

Registro Nacional de la Propiedad Intelect. No. 377233
TARIFA REDUCIDA
Concesión Nº 3980
FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233

AÑO IV Buenos Aires, sábado, 7 de junio de 1952 • Буэнос Айрес, суббота 7-го июня 1952 г. No. 125

ИВАН СОЛОНЕВИЧ

Великая фальшивка Февраля

7

(Окончание)

ДЕТОНАТОР ПРИ ПОГРЕБЕ

Итак: концентрацией в столице тысяч двухсот всякого рода белобилетников, политической и бытовой обстановкой ,в которую эти белобилетники были поставлены, — в этой столице был создан пороховой погреб. Ни левые вообще ,ни Государственная Дума в частности, — никто кроме "военного ведомства" этого погреба создать не мог, хотя бы уже просто технически. Было ли это демонстрацией "глупости", или подготовкой "измены", — каждый может решать по своему, — но третьего объяснения нет. И вот, при этом погребе, — на этот раз уже автоматически, сам по себе, создался и "детонатор": чухонское бабье Выборгской стороны.

На эту тему ни в одной "истории революции" я не нашел никаких указаний и никакой статистики. Дело же заключалось в том, что призывы в армию оставляли в петроградской промышленности огромный людской пробел: никаких льгот по призывам военная промышленность не получила, а Петроград был главным образом центром металлургической промышленности. Нехватка вооружения отчасти объясняется нехваткой рабочих. В Петрограде эту нехватку кое как восполнил массовый приток женских рабочих рук из окрестностей Петрограда. В энциклопедическом словаре Брокхауза и Ефрона ,в статье "Санкт-Петербург" — в подстрочном примечании сказано, что из ста жителей окрестностей Санкт-Петербурга в 1897 году, 96 показали своим родным языком не русский язык (привожу по памяти, но точно). Именно этот элемент несколько позже, в марте и апреле 1917 года тащился с санками и салазками в заводоуправления получить "недополученную" заработную плату за все время работы, — в представлении этих чухонок эту заработную плату можно было вывезти только на санках — никаких карманов или даже корзин для нее не хватило бы. 23 февраля 1917 г. был "Международный женский день", кое как использованный большевиками: чухонские бабы вышли на улицы Выборгской стороны и начали разгром булочных. Так что, если следовать по стопам некоторой части нашей публицистики, и из всех звеньев русской революции выбрать одно — по вкусу и усмотрению своему, то можно сказать и так: русскую революцию начало чухонское бабье.

М-сье Талейран, сидя в эмиграции, говаривал: "Во французской революции виноваты все — то есть никто". Этот афоризм можно, конечно, оспаривать ,но нет никакого сомнения, что ьн. С. Волконский прав: Россию губили с обеих сторон. И можно было бы добавить: и из центра.

Знаменитый Клаузевиц всю свою жизнь анализировал Канны. Стратегическая идея Канн была очень проста: охват обоих флангов и прорыв центра. В результате этого стратегического маневра, римская армия была почти поголовно истреблена. Канны не помешали тому, что Ганнибалу пришлось искать спасения в бегстве и потом покончить жизнь самоубийством. Сейчас можно с достаточной степенью обоснованности предполагать, что у Ганнибала охват флангов и прорыв центра просто вышел сам по себе —ни до, ни после Канн этот маневр не удается ни одному полководцу истории. Но в 1916-1917 г. г. наш обезумевший правящий класс (см. А. Мосолова), сам не отдавая себе никакого отчета в том, что именно он делает, повторил ганнибаловский маневр с тем, чтобы потом разделить и ганнибаловскую судьбу: охват русской государственности с обоих флангов — и слева и справа, и прорыв ее центра — дворцовый переворот. Маневр, как мы уже знаем, удался блестяще: сидим мы все, уцелевшие, в эмиграции и решительно не знаем, где именно мы будем сидеть завтра. И всякий из уцелевших — по собственному благоусмотрению своему — ищет виновников там ,где это ему благоугодно. Левые — в Государе Императоре, правые — в А. Керенском. Впрочем, некоторые правые, вот вроде Ипатьева, не щадят и память Государя Императора, а некоторые левые, вот вроде П. Сорокина или Р. Абрамовича не очень стесняются и с А. Керенским. Историки революции занимаются бирюльками — "повестью о том, как поссорился Иван Иванович Милюков с Иваном Никифоровием Маклаковым". Сущность же вопроса заключается в том, что на этом отрезке исторического времени скрестились две несовместимых линии развития: безусловная необходимость для страны сменить свой правящий слой и такая же невозможность менять его во время войны и подготовки к войне. Монархия стремилась пройти это "узкое место" эволюционным путем .Не прошла. Разные люди играли в этом вопросе разную роль. Сейчас, когда процесс завершен, нам он кажется "исторически предопределенным", но это древний спор между детерминизмом и индетерминизмом, спор, для которого на страницах газеты места нет. Разные люди играли разную роль. Основной пружиной революции был ,конечно, А. И. Гучков. Основной толчок революции дали ,конечно, чухонские бабы. Чухонские бабы не имели, конечно, никакого понятия о том, что именно они делают. Горькая ирония истории заключается в том, что А. И. Гучков понимал никак не больше чухонских баб.

"КАННЫ" А. И. ГУЧКОВА

Итак, все фигуры на шахматной доске февральского заговора — самого трагического и, может быть, самого гнусного в истории человечества, были уже расставлены. С самых верхов общества была пущена в самый широкий оборот клевета о Распутине, о шпионаже, о вредительстве, — клевета, которую даже и В. М. Пуришкевич самоотверженно развозил по фронтам. Вся гвардия была заблаговременно убрана из столицы — и ее "бессмысленно губили на Стоходе", как писал ген. Б. Хольмстон. Действительно, губили — совершенно бессмысленно. Ибо отход русских армий вызывался не нехваткой бойцов и, еще меньше ,нехваткой у них мужества ,а просто недостатком вооружения: этот недостаток никакая гвардия, конечно, восполнить не могла. Гвардия была заменена "маршевыми батальонами", для размещения которых не нашлось, видите ли, места во всей России. Предупреждение Протопопова, предупреждение прессы, приказы Государя Императора не помогли ничему: маршевых батальонов из столицы не удалили.

Приказов Государя о переброске в столицу гвардейской кавалерии не выполнили. Столица была во власти "слухов" и в распоряжении маршевых батальонов. Не хватало одного: повода. Так, в 1914 году, Германия Вильгельма Второго довела свою боевую готовность до последнего предела и войны откладывать не могла. Раздался "сараевский выстрел". Если бы не было его, — нашлось бы что то другое. Если бы не нашлось бы чего то другого, было бы спровоцировано что то третье: времени терять было нельзя.

В феврале 1917 г. в Петербурге, — но только в нем одном, — действительно начались хлебные "перебои". Их обострили все те же слухи: хлеба скоро вовсе не будет.. Обыватель бросился закупать и сушить хлеб в запас.. В литературе были указания на сознательную подготовку этих перебоев. Указания эти проверить невозможно. М. Палеолог сообщает, что в результате исключительно жестоких морозов в январе и феврале — 57 тысяч вагонов с хлебом застряли на железнодорожных путях. — это больше пяти миллионов пудов хлеба. Революционная пресса, — уже после Февраля сообщала, что Калашниковские склады оказались переполненными зерном, — это очень мало вероятно, так как после "перебоев" Февраля 1917 г. дальнейшие месяцы, и каждый месяц все хуже и хуже, — приносили с собой переход от "перебоев" к просто голоду. Самое вероятное объяснение сводится все к той же предусмотрительности, на основании которой ген. Беляев предлагал развести мосты на покрытой саженным слоем льда Неве. Но, во всяком случае, хлебный бунт был наилучшим поводом к Февралю: хлебные перебои дискредитировали власть в самой гуще населения, а даже и маршевые батальоны автоматически ставились в очень неудобное психологическое положение: стрелять в голодных баб? Одно дело — социалисты и революционеры, другое дело — бабы, которым, может быть, дома детишек кормить нечем. И вот, на этом общем фоне А. И. Гучков разыграл то ли свои, то ли не свои "Канны". О заключительном плане этих "Канн" рассказывает почти с полной ясностью сам А. И. Гучков ("Падение царского режима", Том 4-ый, стр. 277—278).

"Я ведь не только сочувствовал этим действиям, но и принимал активное участие. План заключался в том (я только имен называть не буду), чтобы захватить между Царским Селом и Ставкой императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство, затем объявить, как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство".

В номере:

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
ВЕЛИКАЯ ФАЛЬШИВКА ФЕВРАЛЯ
(Окончание)

МОЖЕМ ЛИ МЫ ПРОБИТЬСЯ К НАРОДАМ РОССИИ?
(Речь адм. Алэна Кэрка)

М. М. Спасовский
МОСКОВСКАЯ РУСЬ И ПЕТР I
(Исторический этюд)

Борис Ширяев
ОКНО В РОССИЮ

Juan Solonewitsch
TERCERA GUERRA MUNDIAL DURARA TRES MESES

ГЛЕБ ТОМИЛИН — ДВЕ СИЛЫ

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
часть 3-я
КИЕВ И МОСКВА
(Продолжение)

Это было заключительной частью гучковского стратегического плана. Как мы уже знаем, эта часть была выполнена на сто процентов: императорский поезд оказался отрезанным и от столицы и от армии, Государь Император оказался в буквальном тупике и никакого выхода у Него не было. С. Ольденбург пишет (стр. 257):

"Поздно гадать о том, мог ли Государь не отречься. При той позиции, которую занимали ген. Алексеев и ген. Рузский, возможность сопротивления исключалась: приказы Государя не передавались".

С. Ольденбург выражается не совсем точно: приказы Государя не только не передавались — они отменялись.

Получив, наконец, достаточно веские данные о положении дел в Петрограде, Государь Император решил лично отправиться в столицу, но перед этим Он отдал приказ об отправке туда шести кавалерийских дивизий и шести пехотных полков — из самых надежных, — плюс пулеметные команды. (На фронте "надежных частей" было сколько угодно). Ген. Алексеев был против отправки этих частей, считая, что "при существующих условиях меры репрессий могут только обострить положение". По словам того же ген. Алексеева, Государь не "захотел разговаривать с ним" (С. Ольденбург, стран. 248). И этот приказ Государя Императора был сорван: ген. Рузский своей властью распорядился не только прекратить отправку войск в помощь ген. Иванову, но и вернуть обратно в Двинский район уже отправленные эшелоны. В ту же ночь **из Ставки** было послано на Западный фронт от имени Государя, предписание: уже отправленные части задержать на больших станциях, остальных — не грузить.

Что касается войск юго западного фронта (гвардии), то **Ставка** еще днем 1-го марта сообщила ген. Брусилову, чтобы отправка не производилась до особого уведомления (стр. 253)...! "Меры противодействия революции — отправка войск в восставший Петроград — были отменены именем Государя, но **помимо** Его воли".

Между тем, пресловутый Бубликов сам признавал:

"Достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено". (стр. 251).

Может быть, не нужно было даже и дивизии: там, где "восстание" натыкалось на какое то сопротивление, оно таяло, как дым: на трубочном заводе поручик Гесса застрелил агитатора, и вся толпа разбежалась, бросив и знамена и лозунги. Так что, может быть, хватило бы и семисот георгиевских кавалеров ген. Иванова. Но не пустили и их. В Таврическом дворце от времени до времени вспыхивала паника: вот придут части с фронта — и тогда что?

Словом, Государь отдал приказ о переброске в столицу шести кавалерийских дивизий и шести пехотных полков и пулеметных команд, — и направился в **заранее подготовленный для Него тупик.** Поезд застрял на станции Малая Вишера — в 150 километрах от Петрограда, потом вернулся на станцию Дно и со станции Дно направился в Псков, в Ставку Северного фронта, которым командовал ген. Рузский.

Там, в Пскове, вечером 1-го марта произошла поистине историческая беседа между Государем Императором и ген. Рузским. Нужно иметь ввиду, что до этой беседы Государь Император провел сорок часов в поезде и был начисто отрезан от какой бы то ни было информации. В Ставку ген. Рузского Государь Император прибыл, по всей вероятности, как на некий опорный пункт. Сейчас же Он получил телеграмму от ген. Алексеева с уже готовым манифестом об ответственном министерстве. Именно этому министерству была, повидимому, посвящена историческая беседа между Государем Императором и ген. Рузским. Часть этой беседы передает С. Ольденбург по записи князя Васильчикова, со слов ген. Рузского — так что за точность передачи ручаться никак нельзя. До этой беседы ген. Рузский сказал свите Государя Императора: "нужно сдаваться на милость победителей". И, повидимому, вся беседа была посвящена именно вопросу этой капитуляции.

"Ген. Рузский с жаром доказывал необходимость ответственного министерства. Государь возражал спокойно и хладнокровно и с чувством глубокого убеждения: "Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится. Будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным Советом, или нет — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не Моих рук дело..."

"Государь перебирал с необыкновенной ясностью взгляды тех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена... И высказывал свое убеждение, что те общественные деятели, которые несомненно, составят первый же кабинет, все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти ,не сумеют справиться с своей задачей".

Сейчас, тридцать пять лет спустя, мы обязаны отдать должное "необыкновенной ясности" Государя Императора: "деятели" действительно не справились. Но, во всяком случае, со стороны Государя Императора, — если верить этой записи, — это был категорический отказ от "ответственного министерства". С. Ольденбург дополняет этот отказ и своими соображениями: **бунт** усмиряется не уступками, а вооруженной силой. Однако, было уже сделано все, чтобы вооруженная сила не смогла применить своего оружия.

На следующее же утро ген. М. Алексеев, получив от ген. Рузского телеграмму с изложением этой исторической беседы, поставил вопрос ребром: уже не ответственное министерство ,а отречение от Престола. В 10 часов 15 минут 2-го марта ген. Алексеев разослал всем командующим фронтами телеграмму следующего содержания:

"Его Величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифест, идя навстречу народному желанию, учредить ответственное министерство перед палатами и поручить председателю Государственной Думы образовать кабинет. По сообщению этого решения Главкосевом председателю Государственной Думы, последний в разговоре по аппарату в три с половиной часа утра 2-го марта ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, в настоящее время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций, сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы, председателю Думы хотя пока и верят ,но он опасается, что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу Сына при регентстве Михаила Александровича, **обстановка повидимому не допускает иного решения,** и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания. основанные на том, что Армия и работа железных дорог находятся фактически в руках **Петроградского Временного Правительства.** Необходимо спасти Действующую Армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу Династии нужно поставить на первый план, хотя бы ценой дорогих уступок. Если Вы разделяете это взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно через Главкосева, известив меня, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России ,и что между высшими начальствующими лицами армии нужно установить единство мысли и цели и спасти Армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом и решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху.

Алексеев,

2-го марта, 10 час. 15 мин.,
8 101872".

Одновременно с этой телеграммой ген. Рузский посылает в Ставку телеграмму, в которой сказано, что "при существующей обстановке он не считает возможным сосредоточение железнодорожных батальонов к Пскову, прибытие их может лишь только осложнить обстановку". Этим отрезывается для Императорского поезда возможность прорваться в Петроград.

Итак: фронтовые дивизии и полки остановлены. Железнодорожные батальоны остановлены. Ген. М. Алексеев сколачивает единый фронт генералитета уже не для ответственного министерства, а с требованием отречения. Ген. М. Алексеев ссылается при этом на данные Родзянки. В распоряжении ген. Алексеева, кроме данных Родзянки, должны были быть и данные военной контрразведки, которая была подчинена Ставке, которая работала действительно скандально плохо, но которая все таки могла уловить положение в Петрограде — уловил же его пресловутый Бубликов: довольно одной дисциплинированной дивизии, и вся эта охваченная, так сказать, превентивной паникой толпа просто разбежится.

Главнокомандующие фронтами и флотами — за единственным исключением ген. Хана Нахичеванского, поддержали "единый фронт". В телеграммах Государю Императору была вся та фразеология, которую вы еще и сейчас можете найти на страницах крайне правой прессы: и коленопреклонение, и рыдание, и "помощь Божию", и все, что хотите — но во всех них стояло категорическое требование отречения. Государь Император оказался начисто изолированным от армии и от столицы, — как это и планировл А. Гучков. Телеграммы главнокомандующих, во всяком случае, означали одно: отказ от повиновения и от поддержки. Оставалась вооруженная охрана Императорских поездов. Что было делать?

План А. И. Гучкова удался на сто процентов. Дальнейшие проценты он стал приносить впоследствии,—вплоть до сегодняшнего дня. А. И. Гучков в сопровождении В. В. Шульгина приехал в Псков диктовать Императору условия отречения. Этой диктовки Император не принял, — текст отречения написал Он сам.

Так был закончен "династический переворот", который, если верить С. Ольденбургу, стал вчерне намечаться еще в столыпинские времена.

В ЧЕМ, СОБСТВЕННО, "ФАЛЬШИВКА"

В течение более чем трех десятков лет склоняется во всех мыслимых и немыслимых падежах "народная Февральская революция". Я, опираясь почти исключительно на правые источники, а также и на более или менее общеизвестный ход событий 1916—17 г., пытался показать, что к Февралю "народ" не имел ровно никакого отношения. И А. Мосолов, и И. Якоби, и С. Ольденбург — люди правые, оперируют все время терминами "дворцовый заговор", "военно-дворцовый заговор", "измена бродила **вокруг** престола". Конечно, и сто тысяч чухонских баб входит все таки в состав "народа". Входят, конечно, и тысяч двести запасных. В общем и бабы и гарнизон дали бы от одной десятой до одной пятой одного процента всего населения страны. Остальных 99...% никто ни о чем не спрашивал. И если ген. Эверт в своей телеграмме утверждал, что "на Армию в ее настоящем составе расчитывать при подавлении внутренних беспорядков — нельзя", то совершенно очевидно, что, — можно ли, нельзя ли — этого ген. Эверт знать не мог. Ибо подавлять он и не пробовал. Так же очевидно что если бы даже на всю армию, действительно, расчитывать было нельзя, то десяток надежных дивизий для этого, во всяком случае, нашелся бы. Однако, "надежных дивизий" в Петроград не пустила Ставка, то есть ген. Алексеев.

Февраль 1917 г., это почти классический случай военно-дворцового переворота, уже потом переросшего в март, июль, октябрь и так далее... Нет, конечно, никакого сомнения в

ИВАН СОЛОНЕВИЧ
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть II — Дух Народа.
вышла **отдельным изданием** и поступила в продажу у представителей "Нашей Страны" и в лучших книжных магазинах Зарубежья.
Цена: ам. долл. 1.50 или соответствующая сумма в другой валюте.

том, что революционные элементы в стране существовали, — в гораздо меньшем количестве, чем в 1905 г, но существовали. В 1905—6 г. г. их подавили. В 1917 г. их подавлять **не захотели.** Левые русские деятели несколько лет подряд хвастались своими достижениями Февраля — пока целый ряд документов доказал с безусловной степенью очевидности, что в февральских событиях они были совершенно не причем. Дальнейшие события показали, что хвастаться вообще совершенно нечем.

Основную "осевую" роль в этом перевороте играл, конечно, генералитет — в этом тоже не может быть **ни малейшего сомнения.** Без самой активной, технически тщательно продуманной помощи генералитета, ни А. Гучков, ни даже пресловутый Бубликов само собою разумеется, не могли сделать ничего. Вопрос заключается в следующем: из каких же соображений действовал русский генералитет?

Самое вероятное объяснение сводится к тому, что политически он был вопиюще неграмотен. И очень может быть, что Гучкову и прочим людям Земгора и Военно-Промышленного Комитета, сталкивавшимся с генералитетом, удалось убедить генералов в том, что политика Государя Императора действительно ведет Армию к поражению и страну к гибели. Вне всякого сомнения, на этот генералитет производилось очень сильное давление справа. Самое снисходительное объяснение всей техники заговора могло бы заключаться в том, что генералитет был искренне уверен в неспособности Государя Императора, во влиянии Государыни Императрицы (Распутин к этому времени уже отпал), и в том, что "вся страна" настроена против Монарха. Это, конечно, не очень лестное объяснение ,но все таки наименее нелестное какое только можно подыскать. В неразумно правых кругах имеет хождение вариант об "английской интриге". С. Ольденбург этому варианту не верит: "Весьма мало правдоподобно, чтобы Англия, особенно в такой момент, когда исход войны еще не определился, отважилась бы на страшный риск крушения великой союзной державы". М. Палеолог отрицает "английскую интригу" самым категорическим образом и в качестве иллюстрации, ссылается на совершенно такую же легенду о той же английской интриге, связанную с цареубийством 11-го марта 1801 г. Легенду об интриге лорда Уитворта М. Палеолог обрывает самым простым образом — указанием на то, что лорд Уитворт покинул Россию почти за год до убийства Императора Павла Первого. В отношении к Февралю такой способ исключается —сэр Бьюкенен оставался в России очень долгое время и после революции. Однако, все указания на "английскую интригу", в том числе и указание ген. Спиридовича, носят замечательно расплывчатый характер. С таким же основанием можно ссылаться на иогов, магов, волшебников и прочих людей того же сорта. Ни одного конкретного факта я нигде в литературе не нашел. И кроме того, если даже и была "интрига", то "интрига" распоряжалась русскими генералами, как пешками. Теория политической ошибки может дать "смягчающее вину обстоятельство". Теория "английской интриги" не дает никакого. Люди оперирующие этой последней теорией просто не дают себе труда додумать дело до конца: английская интрига — это значит английское золото. О цареубийстве 11-го марта так и говорилось: английское золото. О перевороте Февраля говорится туманнее: просто "интрига". Каким именно способом могла "английская интрига" подчинить себе русский генералитет — об этом, кажется, не говорил никто. Можно как угодно выворачивать наизнанку роковые события Февраля, но, — если придерживаться точки зрения "английской интриги", — это будет означать, что русские генералы продали Русского Царя по приказу иностранного посольства. Это, конечно, будет намного хуже политической неграмотности.

ЗАЧЕМ ЭТО НУЖНО?

Нам ,народным монархистам, — не "цензовым" и пр., необходимо установить ту правду, что между Царем и Народом, если и было "средостение", то не было антагонизма. Что если Государь Император делал для России и для Народа все, что только было в человеческих силах, — то и Народ отвечал Ему своим доверием. Что революция — обе революции: и Февральская и Октябрьская вовсе не вышли из народа, а вышли из "средостения", — которое хотело в одинаковой степени подчинить себе и Монархию и Народ.

Всякий разумный монархист, как впрочем, и всякий разумный человек, болеющий о судьбах своей Родины, (а в том числе и о своей собственной судьбе), не имеет права подменять факты декламациями и даже галлюци нациями. Мы обязаны установить тот факт, что российская монархия петербургского периода НЕ БЫЛА гармоничной монархией, какой была московская. Что дворцовые заговоры и перевороты шли, собственно, почти непрерывным "фронтом". Будущая Российская Монархия не может быть восстановлена не только без "народного голосования", но и без всенародной помощи. Отстраивая эту Монархию в очень тяжелых условиях, — легких условий не видать, — мы обязаны учесть все тяжкие и страшные уроки нашего прошлого и заранее обеспечить Будущую Российскую Монархию от ее самого страшного врага — внутреннего. И в его самом страшном варианте — коленопреклоненном.

Иван Солоневич.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ
и поступили в продажу
"ЗАПИСКИ СБЕЖАВШЕГО ОТ "НЕ НАСТОЯЩЕГО" СОЦИАЛИЗМА"
Б. БАШИЛОВА.

эту и другие книги Б. Башилова можно выписывать от автора:
B. Bashiloff,
San Martín 344, Villa Ballester
F.C.N.G.B.M. — Argentina

В САСШ книги Б. Башилова можно выписать от:
Mrs. M. S. Kingstone, 11, Wolfe Ave, San Rafael, Calif.; Mr. Wsewolod Boyew, 4582 Achland Ave, Chicago 9, Ill.; Mr. Alekseeff, 480, Canal Str., New York 13, N. Y.

дальное влияние, конечно, было. И, прежде чем говорить о нем, попытаемся установить, так что же собственно говоря, значит **феодализм.**

Феодализм

Классическое определение основных черт феодализма, принятое в марксистской литературе, дано Лениным. Эти основные черты Ленин формулирует так:

1) Господство натурального хозяйства; 2) Отсутствие у непосредственного производителя средств производства; 3) Личная зависимость крестьянина от землевладельца; 4) Низкое рутинное состояние техники.

Как видите сами, крепостное хозяйство России середины прошлого века целиком подходит под ленинское определение феодализма — однако, никто же, в самом деле, не станет утверждать, что Россия Николая Первого была феодальным государством. Из ленинского определения полностью выпадает самая основная черта феодального строя — дробление государственного суверенитета, исчезновение идеи единой общенациональной власти. Феодальный барон Западной Европы хозяйствовал совершенно так же, как и русский помещик чичиковских времен, однако, ни Ноздрев, ни даже Собакевич, никакими феодалами не были, а вестфальский барон этим феодалом был.

Если рассматривать феодализм с ленинской точки зрения, то тогда изобретатель и открыватель наших "феодальных отношений", Павлов-Сельвинский, будет более или менее прав: некоторые — далеко не все юридические и экономические черты, свойственные типично феодальному развитию Западной Европы ,можно подметить и у нас — и при том на очень значительных промежутках времени. Но если рассматривать феодализм ,не как известную систему "производственных отношений", а как раздробление государственного суверенитета среди массы мелких ,но принципиально суверенных владетелей, то тогда прорыв феодализма в нашу историю нужно признать не правилом, а только исключением.

К "производственным отношениям" феодализм не имеет никакого отношения. И утверждение марксизма, что "по сравнению с рабовладельческим обществом феодализм представ-

Такой же характер носит и новгородское законодательство. В Литовской Руси капитал заменен землей и привилегиями землевладельцев. Но схема власти в общем остается тою же самой: верховная власть растаскивается аристократией, торговой или земельной, — безразлично. Массы подымают восстания против "лутчих" или "вятших" людей, громят ростовщиков. И, не найдя своего организационного центра, снова попадают в прежнюю кабалу. Низы "отливают" на запад и на север, "уступая свое место в Приднепровьи княжеским дворовым людям и мирным половцам". Киевщина пустеет — пустеет от работорговли, которая была главным промыслом "лучших людей", и от бегства населения и на запад и на север от усобиц.

На западе низам не удалось достигнуть ничего. Они попадали уже в сложившийся, крепко спаянный феодальный быт и подчинялись ему. На севере, на вольных и никем еще не обжитых землях, киевские демократические эмигранты строят Москву — по своей воле и по своему разумению. И Москва находит отклик и поддержку во всех низах всея Великия, Малыя и Белыя Руси.

Москва, конечно, тоже закрепощает, но закрепощает не во имя "резы" — ростовщического процента, который "Русская Правда" допускала в размере 50% в год (на практике брали и 80 и 100%), не во имя мехоторговцев или работорговцев, а во имя общих интересов. Разумеется, и в Москве не обходилось без засилия сильных людей, но там был предел, поставленный общенациональной властью, была общенациональная идея некоей общечеловеческой справедливости, непрерывно охраняемая вооруженным аппаратом самодержавия. И именно это, а не уровень рождаемости в княжеских семьях, не географическое положение на берегу скудного ручья Москва-реки, не экономические преимущества обездоленного судьбой междуволжского суглинка и, наконец, не милое соседство культурной татарской орды, создали Московскую Империю — создали ее народные низы, бежавшие с юга и с запада на свободную от феодально-ростовщических традиций ростово-суздальскую почву. Приблизительно так же английские эмигранты, покинувшие феодальные берега Великобритании — создали на девственной почве Америки самую законченную демократию современности. Соз-

Можем ли мы пробиться к народам России?

Речь Адмирала Алэна Г. Кэрка, Председателя Американского Комитета Освобождения Народов России — на годичном обеде Клуба Заокеанской Прессы, в отеле Вальдорф Астория, Нью-Йорк, 7-го мая 1952 года.

(Перевод с английского).

Вопрос этот неоднократно задавался мне, после моего возвращения из Москвы. Я думаю, что, прежде всего, мы должны уточнить смысл этого вопроса. Некоторые из тех, кто его задает, думают, главным образом, о технической стороне проблемы: можем ли мы пробиться сквозь стену советских глушителей; можем ли мы донести наши печатные издания до военнослужащих советских оккупационных войск; есть ли какие-нибудь действительные методы пробиться сквозь Железный Занавес, подкопаться под него или перескочить через него? Другие же спрашивают меня, можем ли мы своей пропагандой повлиять на мышление и поведение советского населения. Иными словами, — можем ли мы **оказать влияние** на советских людей?

Следовательно, этот вопрос делится на две части:

а) **Как** мы можем пробиться к народам России?

б) Чтобы оказать на них **влияние?**

Если говорить о проблеме проникновения сквозь Железный Занавес с точки зрения чисто технической, то можно ограничиться замечанием, что существуют такие средства, которые обещают оправдать затрату усилий на это дело. Есть все основания полагать, что устное и печатное слово достигнет достаточного количества граждан Советского Союза и достигнет так, чтобы произвести на них определенное воздействие. Возможно ли дальнейшее расширение сферы воздействия, — пока установить трудно; но можно думать, что действительно важные сообщения будут проникать быстро и на далекие расстояния.

Более сложен вопрос о том, **как** мы можем повлиять на умы и сердца нашей советской аудитории. Я вспоминаю, что в августе 1949 года, когда я был принят Сталиным в Кремле, был поднят вопрос о глушении передачи "Голоса Америки". Советский диктатор обратился к Вышинскому:

—Они говорят о нас оскорбительные вещи?

—Да, их передачи оскорбительны, — ответил Вышинский, — и очень.

—А мы их блокируем?

—Да,— сказал Вышинский .

Тогда, обернувшись ко мне, Сталин сказал, что это дело находится в ведении министерства иностранных дел СССР.

Смысл всей этой истории заключается в признании советскими властями их полного права препятствовать тому, чтобы народы России получали какую бы то ни было информацию из внешнего мира. "Массы" должны слушать только то, что им позволяет Кремль. У народа должны быть только те мысли, которые желательны коммунистической партии. До народа не должно доходить ни одно устное или письменное слово, поскольку это во власти полицейского государства. Ни одна газета, журнал, фильм, плакат или радиопередача не должны перейти границу СССР, — если Политбюро этого не желает: а его контроль очень и очень жесткий.

Есть в этом эпизоде и еще одна интересная сторона: быстрая реакция Вышинского на слово "оскорбительный". "Да, их передачи оскорбительны", сказал он. И это было принято Сталиным без дальнейших вопросов. Так должен реагировать всякий диктатор, ибо хорошо известно, что диктаторы не выносят критики. Свобода слова и свобода прессы немыслимы при таком режиме. Партия всегда должна быть права.

Но мы не признаем такой диктатуры и не думаем, что "массы" советского населения согласны с ней. Поскольку находящиеся во власти полицейского режима народы не могут свободно выразить свою волю, мы не считаем "оскорбительным" говорить правду, сопротивляться тиранам и выражать сочувствие и готовность помочь их жертвам. И это именно и есть то, что собирается делать Американский Комитет Освобождения Народов России; делать — до крайних пределов своих возможностей.

Мы будем строить свою работу осторожно и вдумчиво, всегда имея перед собой свою демократическую цель. Мы не надеемся совершить завтра чудо. Мы не собираемся действовать так, как предлагают некоторые мечтатели, которые думают, что достаточно нажать кнопку — и в СССР произойдет революция от американских радиопередач; мы не собираемся также жертвовать жизнью мужественных людей, безответственно призывая их к восстаниям, которые будут быстро и жестоко подавлены. Для серьезной работы мы должны начать со зрелой оценки сильных и слабых сторон нашего противника — советской диктатуры — и такой же зрелой оценки чаяний и опасений нашего потенциального союзника — советского народа.

Я только что провел два с половиной года в Советском Союзе и знаю, что мы имеем дело не с неуязвимым колоссом, но и не с разваливающимся режимом, уже стоящим на пороге революции.

Мы должны понять, что, когда мы проводим резкую грань между советской олигархией и народом, мы лишь признаем тот самый принцип, который постоянно провозглашают сами же коммунистические властители. Это они — а не мы — постоянно доказывают, что компартия (количество членов которой никогда не превышало 2-3 процентов населения, а часто бывало и значительно меньшим) является единственным источником мудрости и единственным судьей того, что хорошо и что плохо для 200 миллионного народа. Если же мы всмотримся внимательней, то увидим, что выше партии стоит еще Центральный Комитет ВКП(б), над ним Политбюро и, наконец, — сам стареющий Сталин, который решает: что для партии хорошо и что плохо. Чистка же партии

дали ее по своему образцу — как русские эмигранты из Киева — по своему.

Москва была самым восточным пунктом отступления, **эмиграции** русского народа. Дальше к востоку — никаких государственных попыток не делалось. Все попытки, которые были предприняты западнее Москвы — провалились.

Очень может быть, что именно соседство запада с его специфическим влиянием, оборвало попытки и Новгорода, и Киева, и Вильны —не говоря уже о Галиче. Новгород был построен более или менее по ганзейскому типу: государство, как торговый дом. Правительство, как правление акционерного общества. И самые богатые люди страны — как акционеры, избирающие с в о ё правление, для защиты **своих** интересов, а никак не интересов тех рабочих, которые заняты на их предприятиях. Новгородские завоевания **не присоединялись** к земле, как **присоединялись** московские, то есть не входили в состав государственного единства равноправными частями, как это было в Москве, а оставались только колониями, местами, откуда извлекалась прибавочная стоимость. Москва "не любила ломать местных обычаев", — говорит Ключевский. Москва рассматривала каждую завоеванную или присоединенную область, как свою новую составную часть, как новую часть общего государства, а не как торгово-промышленное сырье, не как меховой или челядинный сырьевой рынок. Новгородская аристократия рассматривала свои пятины, как объект эксплоатации, а Киев свои волости, как объект грабежа. На верхах общества — и в Новгороде, и в Киеве был достигнут уровень материальной культуры, значительно превосходивший Москву. Но и новгородские, и киевские низы стали все таки на Московскую сторону.

"Русская Правда" была уставом торгового дома, поддерживаемого вооруженным путем. В какой именно степени здесь сказалось влияние европейских связей, браков с европейскими влиятельными домами, торгового обмена с Венгрией, Польшей, Германией? — На этот вопрос трудно ответить. Гораздо яснее и отчетливее было влияние Польши на Великое Княжество Литовское: там польская поправка к русской государственности и русской культуре привела к самоубийству русской государственности (Польско-Литовская уния), но не спасла и польскую.

Переходя к обобщению очень широкого масштаба, можно было бы сказать, что две сильнейшие и в будущем единственно решающие государственности современного мира удались в России и в Америке, — на очень далекой дистанции от беспокойного западно-европейского полуострова великого евразийского материка. Империя Карла Великого наследников так и не получила: эти наследники оказались неудачниками, недоносками, выкидышами. Германские племена ,наводнившие Европу и разгромившие Римскую Империю, к имперскому строительству оказались совершенно неспособными, как при всех ее талантах, оказалась неспособной древняя Греция. Германец оказался слишком узок.

Историческим выражением этой личной узости послужил феодализм, разложивший Европу и пытавшийся разложить Россию. Только на больших расстояниях от этого феодализма — на индейских просторах Америки или на угро-финских болотах Москвы, удалось создать огромные демократии — демократические, каждая по своему, и каждая по своему решающие проблемы и своего и общечеловеческого социального бытия. Ближе к центрам западной Европы — все попытки разбивались о ту психологию данного человеческого материала, которая на протяжении веков неизменно формировала западно-европейский феодализм. Об эту же психологию разбилась и киевская попытка .

Киевскую Русь разбила, разумеется ,не степь. Степь только добила государственность, начинавшую распадаться изнутри. Стране уже не хватило сил для того, чтобы справиться со старыми и привычными врагами, с которыми раньше справлялись без особенных затруднений. И если мы попытаемся установить — так что же новое появилось во внутренней жизни последнего периода Киевской государственности, то мы неизбежно натолкнемся на уделы, на "коромолы" удельных князей, которые "пустошили землю Русскую" и с которыми справиться уже не удалось.

Наш удельный период — не есть феодализм, в западно-европейском смысле этого слова. До уровня своего западно-европейского собрата он развиться так и не успел. Но фео-

— это инструмент диктатора для удаления партийцев, которые с ним несогласны.

Поэтому когда мы говорим, что громадная моральная пропасть отделяет советских властителей от народных масс, то мы только признаем советскую действительность, созданную 34 годами коммунистической диктатуры.

А теперь обратимся к народу. Каков он? Когда я думаю, что — обращаясь к советскому народу — мы можем делать (а что — нет), то я всегда считаю нужным остановиться на трех положениях. Прежде всего, Советский Союз сегодня — страна стойких и жизненно энергичных молодых людей. Гражданская война, террор, периоды голода и Вторая Мировая Война опустошили ряды старшего поколения. Бывшие аристократы, помещики, промышленники и среднее сословие — исчезли. В настоящее время средний возраст советского населения лежит между 51 и 35 годами; молодое поколение пришло, в основном ,от земли и с заводов. В этом процессе страна быстро превращается из аграрной в промышленную. Даже в сельских местностях колхозники ближе стоят к остальным частям общества, чем стояли крестьяне в старой России.

Второй важный фактор заключается в том, что около 85 процентов населения сейчас грамотны. Существовавшее некогда различие между образованным классом и отсталыми массами в России теперь почти устранено. Рабочие и колхозники, родители которых — или, во всяком случае, их деды — были ,в массе своей неграмотны, теперь не только грамотны, но у них почти ненасытная жажда к знанию. Режим был вынужден двинуть вперед образование; хотя бы по той простой причине, что неграмотный человек не может работать с современным сложным фабричным или сельскохозяйственным оборудованием, не может управлять ракетным самолетом или работать в лаборатории. Но это просвещение дало народу и возможность познакомиться с классиками русской и мировой литературы, идеалы которых диаметрально противоположны целям властвующей ныне диктатуры .Наследие русской гуманитарной литературы девятнадцатого столетия (а это наследие гораздо более популярно в народе, чем тошнотворные трактаты ленинизма-сталинизма) возбуждает у народа независимое мышление. И с этим Кремль ничего поделать не может.

Третий важнейший фактор заключается в том, что после 1941 года многие миллионы советских граждан и солдат Советской армии лично соприкоснулись с западным некоммунистическим миром. Миллионы советских людей были вывезены, чтобы работать — вместе с советскими военнопленными — на германских заводах, в шахтах ,на фермах. Сколь ни тяжелы были испытанные ими там страдания ,эти миллионы людей все же своими глазами увидели, что рабочие и крестьяне Европы — в том числе и нацистской Германии — жили много лучше, чем они. Они поняли, что в своей пропаганде о безграничной нищете в "капиталистическом" мире Кремль им лгал. После войны более пяти миллионов этих советских граждан были репатриированы, но свыше двух миллионов из них лично соприкоснулись с американскими и британскими войсками.

Подобным же образом были раскрыты глаза и у тех советских офицеров и солдат, которые взяли с боем Бухарест, Прагу, Вену, Будапешт и Берлин .Они также все увидели, что средний человек в некоммунистическом мире живет лучше их и не испытывает того страха, что население Советского Союза. Военнослужащие Красной Армии, встретившие весной 1945 года англо-американские войска, подверглись еще более сильной инфекции. Только слепые среди них не могли увидеть контраста их положения с положением американского и британского солдата .

После 1945 года многие сотни тысяч военнослужащих советских оккупационных войск узнали многое о жизни внешнего некоммунистического мира. Если судить по единогласным показаниям недавних беглецов и по тем чрезвычайным полицейским мерам, которые применяет МГБ для уменьшения соприкосновения советских оккупационных войск с внешним миром, то все говорит о том, что эти новые впечатления оказали мощное психологическое воздействие на советские войска, стоящие в зоне оккупации.

Таким образом, мы понимаем, что имеем дело не со страной безграмотных "мужиков" или 200 000 000 роботов, верящих всему, что им рассказывает Кремль. Нет, перед нами молодой и закаленный народ, ибо только закаленные выживают в советских условиях. Среди этого народа есть миллионы людей, увидевших внешний мир и рассказавших о нем своим родным и друзьям.

Таковы некоторые из тех положений, которые должны лечь, как прочная основа, для построения нашей работы. Если мы обратимся к людям нового советского поколения с простыми, человечными словами — не примешивая к ним догматических рассуждений в стиле диалектического материализма, которыми они сыты по горло, — они будут слушать нас со вниманием. Если мы постоянно будем проявлять наш большой интерес и нашу симпатию к их законным стремлениям к лучшей и свободной жизни; если своими действиями докажем, что мы враждебны только и исключительно их деспотическим властителям, то мы постепенно "пробьемся" к ним и тем повлияем на их отношение к нам. Этим мы поддержим веру советских людей в свои силы и их стремление создать свое лучшее будущее.

Однако, мы должны признать, что перед нами немалые психологические трудности. Хотя интеллигентные люди в Москве, Ленинграде, Киеве и Одессе воспринимают кремлевскую пропаганду более чем критически, но все же постоянное вбивание в умы одних и тех же тем оставляет свои следы. Конечно, Кремль не научил население ненавидеть американцев, но многие граждане Советского Союза все же склонны думать, что мы возможные агрессоры. С 25 июня 1950 года советская пропаганда ежедневно твердит им, что южные корейцы атаковали северных и что мы переплыли 6 000 миль по Тихому океану, чтобы помочь им в этой "агрессии". Более того, советская пропаганда безустанно распространяет сообщения о наших, так называемых, зверствах, о бомбежке беззащитных городов и деревень и т. п.

Истинная цель этой пропаганды ясна: она имеет ввиду не столько возбудить симпатии к корейскому народу ,сколько убедить советский народ в том, что мы ,американцы, подготовляем войну на истребление против населения Советского Союза. В какой степени рядовой советский гражданин верит этому? Это еще не вполне ясно, но кое-что из этих утверждений все же оседает в его мозгу и возбуждает страх и подозрительность по отношению к Америке.

Иногда кое-кто из нас здесь, в Америке, тоже невольно содействует этой антиамериканской пропаганде Кремля. Это происходит тогда, когда делаются публичные заявления или печатаются в газетах статьи, пропагандирующие превентивную войну, сбрасывание атомной бомбы на Москву или что-нибудь в этом роде. Совершенно естественно, что советские пропагандисты сразу перепечатывают эти вещи, подчеркивая наиболее зловещие места и используя их, как доказательство преступных намерений Америки. И хотя мы с вами знаем, что подобные заявления и статьи представляют собой сравнительно редкое явление в нашей стране, у советского гражданина создается впечатление, что они появляются ежедневно и ежечасно и отражают точку зрения американских государственных и общественных деятелей и американской прессы.

И еще в одном случае американцы, — совершенно не желая этого, — льют воду на мельницу Кремля. Это тогда, когда они необдуманно говорят о "русских", хотя имеют в виду сталинскую клику. У русских людей куда больше причин, чем у нас, ненавидеть сталинскую диктатуру, причиняющую им так много горя и страданий. Но когда советская пресса и радио воспроизводят безответственные выпады отдельных американцев против "русских", как таковых ,выпады, порочащие их, как народ, или говорящие о них, как о "славянских варварах", стремящихся разрушить западную цивилизацию, — то неудивительно, если советские люди станут недружелюбными, подозрительными и даже враждебными. Если наша цель заключается в том, чтобы объединить советских людей вокруг их грузинского диктатора Сталина в целях их собственного самосохранения; если мы хотим убедить их в том, что они должны готовиться драться против Америки с той же решительностью, какую они показали в войне против нацистской Германии, — то тогда, конечно, мы должны развернуть всемерную пропаганду против "русских", как таковых ,а не против советской диктатуры. И мы заслужим благодарность Москвы.

Но поскольку наша цель, разумеется, заключается не в этом, мы должны подчеркивать прямо противоположное — и в словах, и в делах. Наша цель — дружба и доверие российского народа, который может стать нашим величайшим другом и союзником в предотвращении войны. В настоящее время ничто не говорит о том, что народы России хотят воевать против народов Америки и Западной Европы. И наш прямой долг заключается в том, чтобы поддержать их миролюбивые стремления и сделать все возможное, чтобы убедить их в наших чувствах дружбы и симпатии к народам России.

Мы должны также понять, что в наши обязанности не входит поучать народы Советского Союза, какие они должны установить взаимоотношения между собой. Это их дело, а не наше. Начать вмешиваться в эти дела, — это самый верный путь для американцев возбудить против себя новое возмущение ,а не вызвать симпатию. Единственно разумный указатель на этом пути — это демократический принцип самоопределения. Но до использования этого права должен быть разбит еще наш общий враг: советская диктатура. И эта гигантская задача требует единого действия всех.

Американский Комитет Освобождения Народов России намерен всемерно способствовать такому объединенному антикоммунистическому действию. Мы исполнены решимости помогать советским беглецам и демократическим эмигрантам всех национальностей в их совместной работе в общем деле, против общего врага — коммунистической диктатуры. Мы будем стремиться помочь им пробить себе дорогу к их соотечественникам с программой, отвечающей основным правам и достоинству человека. Наша цель должна быть всегда в осуществлении тех стремлений к свободной и лучшей жизни, которые вместе со всеми свободными народами мира разделяет и советское население.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

НАША СТРАНА

Буэнос-Айрес Аргентина

ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ
Часть I.
Цена 2 ам. долл.

●

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть 1. Основные положения.
Цена 1.50 ам. долл.
Часть 2. Дух народа.
Цена 1.50 ам. долл.

●

В ПЕЧАТИ:
Проф. М. В. Зызыкин
ТАЙНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I
Цена 3.00 ам. долл.

●

Иван Солоневич
НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ
Часть 3. Киев и Москва.

●

Проф. Б. Ширяев (А. Алымов)
ДИ-ПИ В ИТАЛИИ
Цена 2.50 ам. долл.

●

Заказы адресовать:
VSEVOLOD DUBROWSKY
"NUESTRO PAIS"
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires, Argentina

"НАША СТРАНА" существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит те затруднения материального характера ,с которыми связан выпуск каждого номера!

"НАША СТРАНА" в Буэнос-Айресе продается: в киоске г. Вербицкого — при Храме Воскресения Христова (Вижа Пуэйрредон), в киоске г. Ряснянского — Облигадо 2150, в книжном магазине братьев Лашкевич ул. Леандро Алем 1140 и у газетчиков на углу Леандро Алем и Виамонте и Леандро Алем и Сармиенто. На Вижа Бажестер — у инж. Василькиоти, при церкви на ав. Альвеар.

Борис Ширяев

ОКНО В РОССИЮ

(ОТКРОВЕННЫЕ СТРОКИ)

Получив пакет книг Издательства имени Чехова, я схватил прежде всего "Жизнь Арсеньева" Ивана Бунина. Гипноз имени единственного русского Нобелевского лауреата еще силен. Кроме того, я родился и провел юность в описываемом Буниным Ефремовском уезде Тульской губернии, вращался в той же помещичьей среде, приблизительно в то же время — мне 63 года — и даже знал лично некоторых упоминаемых автором лиц (Каменева, Трухачевых и др.), бывал в тех же деревнях, имена Ростовцевых, Арсеньевых, Батуриных вплетены и в мою жизнь. Казалось бы, все это должно было сделать повесть близкой и родной мне... тем более, при блестящем мастерстве ее автора... Но... после двадцатой страницы мне стало скучно, далее я читал "по долгу службы". На сотой странице я отложил книгу и больше не буду ее читать — нет времени, да нет и желания бродить по лопухам обнищавших помещичьих усадеб, погружаться в ароматы бабушкиных сундуков. Двадцать два года (1921—1943) жизни в Россеи вырыли непроходимый ров между мной современным и описываемым И. Буниным — и моим также — прошлым. Плохо ли, хорошо ли это — не знаю, но это реальность, факт, и если я, человек того же поколения, отложил "Жизнь Арсеньева" на сотой странице, то на какой же заскучают читатели последовавших поколений, современные русские читатели.

Потом я взял книгу "Земная Радуга" Тэффи. О милая, игристо веселая, по доброму острая Тэффи. Сколько радостных минут дарила мне прежде она! С тем же поиском радости я раскрыл и теперь ее книгу, прочел наугад два рассказа, и мне стало грустно и... больно. Так же больно, как было, когда я в 30-х годах слушал потерявшего голос Собинова, или смотрел на мертвенную улыбку, выходившего еще на арену Дурова. За них ли больно или за свою ушедшую молодость — не знаю. Должно быть — за то и за другое. Немногим дано быть прекрасно старыми, подобно А. В. Тырковой, увы!

***

Большинство "прогрессивной" эмиграции склонно думать, что "культурный и умственный уровень современной русской (подсоветской) молодежи очень низок "(г. Лавда и проф. Сперанский в "Р.М."), что ей "нечего сказать и она не может сказать", даже и вырвавшись из плена (Аргус, Галич и др. в "Н.Р.С."), т. е. иначе говоря, что с отбытием их, аргусов, галичей и пр. подобных с территории временно подсоветской России 180 милл. ее населения разом поглупело и рожлаться стали только дегенераты. Коряков и ему подобные им подпевают. Почему? Думается, что ради обеспечения гонорара в "Н.Ж." и "Н.Р.С." ибо Коряков-то не может не знать правды о современной русской подсоветской молодежи.

Б. Башилов им веско возражал. Возражал и я в "Р. М.", пока там печатали мои письма Потом приведенные мною фактические данные спустили в корзину, оберегая репутации г. Лавды и проф. Сперанского.

Но много сильнее нас с Б. Башиловым им возражали и возражают сами факты появления в жизни такого журнала, как "Грани" с рядом талантливых, глубоких, отражающих современность, прозаиков — Л. Ржевским, Г. Андреевым, С. Юрасовым, незаурядным поэтом Кленовским; книга "Письма к неизвестному другу" Р. Александрова и теперь (наконец-то!) выпуск издательством им. Чехова целого ряда книг "новых" авторов различной политической настроенности. Возражает им и... сам М. Коряков, бытием своей собственной персоны, культурный и умственный уровень которой назвать низким нельзя ни в какой мере.

***

Было трудно, очень трудно писать, когда охотились за нашими черепами, но все же писали В. Рудинский, Б. Башилов, первые "посевляне", я (по-итальянски). Не многим легче и теперь: Б. Башилов пишет в трамвае по пути на работу, я — в ослиной закуте доброго соседа, Л. Норд — Бог ее знает где и когда: днем у нее работа на фабрике ,а вечером, дома — больной муж, дети и сама больна... Но все таки пишет, и не плохо пишет! Умеет сказать нужное.

Вряд ли приходилось так бороться за право творчества в эмиграции не только "именем" — Мережковскому, Бальмонту, Бунину, но и рангом пони же — Краснову ,Брешко-Брешковскому, Бебутовой, даже и совсем "безымянным". Тогда было множество издательств, изданий ,субсидий, кредита, стипендий... у нас, "новых", ничего этого нет.

Но главная трудность еще не в этом. Основной препоной к выявлению себя в творчестве является для "новых" "вторая цензура", усвоенная г. г. "прогрессистами", со времен Писарева запрещавшего во имя "прогресса" всем редакциям печатать Лескова. Эта "вторая" в Российской Империи цензура стала "первой" в эмиграции и много более кастовой, чем "первая" во времена Уварова и Гончарова. Обострение политиканской непримиримости — неизбежное свойство всех эмиграций. Я говорю только о беллетристике, как о внепартийном литературном жанре, не касаясь имеющей право на партийность публицистики.

Сделаем беглый обзор нашей периодической прессы. Г-н Мельгунов сделал из "Возрождения" узко политический орган своей незначительной даже в эмиграции группы, что я могу доказать документально. В результате ему приходится редактировать анекдоты об умных собачках и охотничьи рассказы. По той же дороге пошла и рекламирующая свою "внепартийность" "Русская Мысль". И с тем же результатом: ее литературный отдел обеднел, вплоть до тех же "охотничьих рассказов". "Новое Русское Слово" упорно печатает какую то псевдо-историческую халтуру, думается, из соображений разумной экономии — "числом поболе, ценою подешевле". "Новый Журнал" — даже не партийный, а узко-групповой. Возродившаяся в Сан-Франциско "Жар-Птица "не имеет средств перейти на типографский способ печатания и это подрезает ей крылья. "Наша Страна "явно не имеет места для беллетристики на своих страницах. Куда же деваться автору-беллетристу ,не могущему или не хотящему замкнуться в политиканских рамках?

Я умышленно выделяю "Грани", как единственный из наших толстых журналов, сумевший подняться над партийной узостью в своем беллетристическом отделе. В этом залог его успеха, подтверждение его крепкой связи с российской подсоветской современностью, его ценность.

***

Подбор авторов "новой" эмиграции случаен. Л. Ржевскому, Б. Башилову, Р. Александрову, Нерусскому, мне, Карло Линейцу и пр. удалось лишь случайно выскользнуть из советского мира и спастись от пули репатриации. Но не можем же все мы, столь различные, быть одиночками в своем мышлении и мироощущении? Какие то близкие нам по духу, но пока закамуфлированные группы населения подсоветско-русской terra incognita мы собой представляем и, следователь но, в целом набрасываем контур психического строя подсоветских масс. Я не утверждаю, что этот контур точен и ясен ,но все же он — лучшее, что может получить сейчас русский и иностранный читатель по эту сторону железной завесы. Он — неполная информация о современной жизни, но и не дезинформация о ней.

Мелкопоместного, хотя и родовитого, дворянства (И. Бунин) в современной подсоветской России не существует. Вымерла там и благодушная либеральная фрондирующая интеллигенция (Тэффи). Косноязычные кривляки типа А. Ремизова самоупразднились за полной их непригодностью к употреблению. Охотничьи воспоминания и им подобные всплывают лишь в рассказах по пьяному делу от избытка чувств...

Но в сравнительно более легких условиях жизни эмиграции эти литературные анахронизмы еще сохранились. Однако ,судить по ним о пресловутой "русской душе" в ее современном состоянии — явная нелепость и в этом разрезе они — дезинформация о России и ее народе.

***

Издательство им. Чехова безусловно не ставит себе коммерческих целей. Его задача, насколько я понимаю ее, познание современной России и отражение ее в зеркале художественной литературы, всестороннее, а не субективно-однобокое отражение.

Эта задача не только актуальна, но возвышена и благородна. Однако, она обязывает ее выполнителей к безусловному отказу от своей личной партийной субъективности в рамках этой их работы.

Первые шаги издательства дают возможность надеяться на честное выполнение ими своей задачи. Появление в каталоге Издательства им. Чехова С. Юрасова, С. Малахова, Ю. Елагина и, особенно, искреннего дневника В. Алексеева указывают на некоторую ширину подхода к задаче. Хотелось бы и дальнейшего его расширения.

Перепечатка удушенных советчиной авторов (очень нужная сама по себе) имеет существенные дефекты: в сборник А. Ахматовой не вошли многие ее стихи 1918—22 г. г. очень ценные для характеристики ее резко отрицательного отношения к революции, а в сборнике рассказов М. Булгакова, при очень ценных и характерных для него "Роковых яйцах", бледны и мало понятны теперь "Дьяволиада", "Похождения Чичикова". Хотелось бы видеть вместо них "Белую гвардию" или "Дни Турбиных". Хотелось бы и "Красного дерева" Б. Пильняка, стихов М. Волошина ,стихов и статей Гумилева.

Безусловно нужны и ценны переиздания Н. Лескова и Ф. Тютчева. Хотелось бы продолжение выпуска Н. Лескова. Интерес к нему очень велик, а достать его книги трудно.

Предисловия редакции даны дельно, четко и объективно.

Состав редакции Издательства им. Чехова полностью "прогрессивен". Представителей национального русского мышления в нем не имеется. Это заставляет опасаться и здесь засилия "второй цензуры".

Но во главе редакции стоит В. Александрова — литературный критик, показавший даже на страницах партийного органа РСДРП — "Соц. Вестника" свое умение стать в оценке художественной литературы выше партийных рамок, подняться до возможного предела объективности, преодолеть многие кастовые пережитки, критик, которого можно смело назвать наиболее свободомыслящим в своей среде. Это дает надежды. на успех в выполнении Издательством имени Чехова своей задачи .

От всей души пожелаем ему этого успеха. Будем все вместе — и писатели ,и издатели, и читатели — помнить, что политическая тенденциозность и односторонность несут смерть художественной литературе, превращая ее в пошлую пропаганду. За подтверждением этого ходить недалеко. Не забудем, что тенденциозность выражается не столь сверхмерным утверждением своей идеи, сколь заглушением голоса инакомыслящих, их "лишенством".

Издательству им. Чехова предстоит прорубить окно в психический мир современной плененной России. Помоги ему Бог прорубить его шире, светлее, без тюремных решеток "второй цензуры".

Борис Ширяев.

Книга Проф. М. В. Зызыкина
"ТАЙНЫ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВОГО"
выйдет из печати **в середине июня.**
Предварительная подписка ПРЕКРАЩАЕТСЯ 15 ИЮНЯ с. г. Цена книги по выходе ее из печати — **4 амер. доллара.**
Лицам, уплатившим за книгу по предварительной подписке, **книга будет выслана по почте.**

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА "НАШЕЙ СТРАНЫ"

С выпуском в свет номера 121-го "Нашей Страны" в силу вступает следующая новая расценка подписной и розничной цены отдельного номера газеты:

Аргентина — 2 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. цент.; Бразилия — 5 круз.; Венецуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 уругв. сент.; Парагвай — 2 гуарани; Чили — 10 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. фр.; Швеция — 1 шв. крона; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 шилл. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.: Италия — 150 лир.

М. М. Спасовский

Московская Русь и Петр Первый

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТЮД.

Заграничное путешествие Петра оказалось роковым в судьбах русского народа, — оно положило глубокую и резкую грань в Русской Истории, прикончив существование Московской Руси, от которой Петр окончательно отрывается, рубит с плеча окно в Европу и этим тянет дальнейшую русскую жизнь на новый путь, не считаясь ни с чем.

В вопросе оценки деятельности Петра Первого последующая русская мысль резко раздваивается.

Одно направление этой мысли — московское (славянофильское) в этой деятельности не видит никакого прогресса. То, что Петр получил много полезных знаний, что он привык к "культурным формам европейской жизни", что он умственно созрел и "сам стал европейцем по духу",—то, что его путешествие на Запад оживило сношения Москвы с Западом, — все это, по мнению славянофилов, не укрепляло Россию, а нивеллировало ее, обезличивало, толкало на путь не только глубоко чуждый России ,но и опасный, определенно враждебный всей сущности русского духа.

Другое направление — западническое, — во всем этом видело несомненный прогресс, ибо в "опыте передовых государств", в парламентских методах "демократического управления", в отрыве Государства от Церкви, в философии французских энциклопедистов, в технических достижениях Запада они усматривали тот "свет", то "откровение", ту "правду жизни", что должны были послужить "выходом" России из "тьмы невежества, кнута и рабства" на свежий воздух "духовных ценностей просвещенной европейской мысли".

Но жизнь показала, что славянофилы были правы, что нельзя безнаказанно ставить знак равенства между всеми народами. Жизнь показала, что Петр Первый, отрываясь от Московской Руси потерял национальное самочувствие и потому упустил из вида одно единственное, но ВСЕ решающее положение: **судьба народа определяется его психологией,** а вовсе не пылесосом.

Иван Солоневич в своей "Народной Монархии" впервые указывает на это все - определяющее обстоятельство, значение которого, к сожалению, не понимали, и до сих пор не понимают ни так называемые "ученые", ни так называемые "передовые вожди" западнической мысли:

—Народно-монархическое Движение исходит также из той аксиомы, что решающим фактором всякого государственного строительства является **психология,** "дух" народа строителя, втягивающего в свою орбиту или торговым путем, как это делали англичане, или путем насилия, как это пытались делать испанцы, или путем **общности интересов**, как это делали мы. Географические и климатические условия могут помогать строительству, как помогали Риму, и могут мешать строительству, как они мешали нам. Но эти условия не могут **ничего создать** и не могут **ничему помешать.** Из всех культурных стран мира Россия находится в наихудших географических и климатических условиях, — и это не помешало стройке Империи. Из европейских стран Франция находится в самых лучших условиях, и у нее не вышло ничего (см. "Народную Монархию", часть I, стр. 11).

Петр Первый пренебрег психологическим моментом, и этим заложил основу, во-первых, борьбы русского народа за сохранение своих особых душевных и умственных национальных качеств и свойств и, во вторых, того "освободительного движения", которое в конечном итоге и привело Россию к несчастному Февралю с его окаянным последышем — Октябрем.

Вслед за Петром западники своими теориями и доктринами двести лет тащили русскую мысль и русскую жизнь к рабскому подражанию Западу, пока в 1917 году не ухнули Россию в дыру коммунистического Интернационала.

Никогда Историческая Россия за всю свою тысячелетнюю жизнь не падала так низко и так подло, как падала и падает элита западных народов, подписывая Тегеранские, Ялтинские и прочие соглашения о выдаче на расстрел сотен тысяч людей. Никогда Историческая Россия не позволяла себе сесть за один стол с профессиональными народоубийцами, с принципиальными провокаторами, шпионами, предателями и тяжкими уголовными преступниками, как это позволяют себе и широко практикуют представители западных народов...

Аксаковская формула "народу — сила мнения ,а Царю — сила власти" до сих пор звучит какой то таинственной и нелепой абракадаброй в ушах европейских народов, ибо ни у одного из этих народов ,несмотря на все демократические привилегии, фактически не было и нет никакой возможности ни выявить свое **народное** а не партийное мнение, ни придать этому мнению силу, а короли их лишены всякой силы власти, чтобы реализовать "голос земли" .

Ни один из западных народов не понимает, что Русское Самодержавие все выросло из недр народных, а не посажено кем то на шею русского народа, а низы народные были преданы Церкви, а Церковь хранила мораль народную и именно в морали воспитывала русскую мысль и на высоте держала русскую совесть, отчего до-Петровская Русь и не знала цареубийств. И если Русское Самодержавие было диктатурой ,то оно было, по праведному замечанию Вл. Соловьева, диктатурой совести, с поправкой Ив. Солоневича — **диктатурой православной совести,** — явление совершенно неведомое Западу. И эта диктатура несла в себе элементы **авторитета** и была именно авторитетом, совершенно независимым даже от личности Царя, ибо сущность этого авторитета составляла слиянность двух понятий — Православного царства и Православной Церкви, что и являлось **Святой Русью,** явление тоже совершенно неведомое Западу.

Не мешает припомнить, что во главе всех дел на Московской Руси стояли Земский Собор и боярская дума. В боярской думе бояре и думные люди слушали дела и "приговаривали" как в присутствии Царя, **так и без Него.** Под руководством этой думы работало сорок приказов, а на местах сидели **выборные власти,** — эта система учреждений и служила фундаментом Русского Самодержавия и составляла его характерную черту. О какой же тут "диктатуре" в европейском понимании может идти речь?!

Петр Первый, ломая этот московский уклад ,создавал коллегии, пользуясь услугами шведов, датчан, немцев (Фик, Брюс и мн. др.), и этим все дальше и дальше отодвигал себя, а вместе с собою и весь народ от Церкви, что не только умаляло классический тип русской монархии, но и разрушало ее основание.

Попытки Императора Павла Первого повернуть Россию с петербургского пути на московский кончились трагически исключительно потому, что русская высшая интеллигенция растеряла все свои святыни среди западного блудословия и упорно не хотела понять, как и сегодня не понимают ее жалкие остатки, что русский народ имеет свою собственную идею, свою собственную судьбу, свою собственную цель. И всякая попытка тянуть русский народ в сторону от его идеи неизбежно приводила к провалу.

М .М. Спасовский.

"УТОЧНЕНИЕ"

М. Спасовский — один из самых разносторонних публицистов эмиграции. С его политической линией я согласоен далеко не всегда. В данной статье М. Спасовский ссылается на "Народную Монархию" и, я боюсь, что часть читателей не уловит некоторых недоразумений, возникающих по этому поводу.

И в "Народной Монархии". в особенности в выпуске о Петре Первом, и в статьях, я пытаюсь доказать, что во всех "петровских реформах" Петр Первый был приблизительно так же не причем, как ген. А. Власов в "Четырнадцати пунктах" -- он был только в ы в е с к о й над попытками дворянства захватить "всю власть". Попытки эти начались в Смутное Время, дошли до апогея в XVIII веке, и не совсем исчезли в эмиграции.

Отсюда идет п о д м е н а терминов: вместо термина "дворянство" или "аристократия" М. Спасовский употребляет термин "интеллигенция". И даже убийство императора Павла Первого приписывает именно "интеллигенции", как и реформы Петра. Однако, как бы ни растягивать термин "интеллигенция", то совершенно все таки ясно, что граф Пален никакой "интеллигенцией "не был. И что "интеллигенция" Московской Руси включала в себя г л а в н ы м о б р а з о м духовенство и купечество — два слоя, наиболее тяжко пострадавших от эпохи Петра.

Нападки М. Спасовского на "Запад" (см. его статью о сборнике "Православный Путь" и другие статьи в других изданиях) грешат совершенно явной односторонностью: М. Спасовский, как и большинство нашей очень правой публицистики, совершенно замалчивает ведущую роль Германии и в управлении и в укреплении советского режима в России. К этой теме я еще вернусь.

И. С.

Глеб Томилин.

ДВЕ СИЛЫ

Роман.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ

Товарищ Медведев в точности исполнил все просьбы или приказания генерала Буланина: снабдил его концлагерным обмундированием, инструктажем, проводниками и, наконец, самолетом, который должен был вылететь из Неелова ,неизвестно через какой пункт, по направлению к дубинской заимке. Все эти проекты и мероприятия вызвали в душе товарища Медведева целый ряд очень смешанных чувств, из которых главным было раздражение: вот, свалилась на голову вся эта чепуха! До Светлова со всеми его загадками и последствиями все было ясно, определенно и спокойно. Теперь — Светлов, Берман, Буланин. И он, товарищ Медведев, в самом центре этого перекрестка и неизвестно куда двигаться дальше — на кого ставить и что делать?

Было ясно, во всяком случае, одно: о планах генерала Буланина необходимо в самом секретном порядке информировать Москву. Если этого не сделает он сам — сделает к т о - т о другой. Товарищ Медведев вызвал к себе начальника шифровального отделения и полдня просидел за не очень длинной, но очень сложно редактированной телеграммой в Москву. По его мнению, вслед за генералом Буланиным было необходимо отправить какой то отряд. Во первых, потому, что с генералом Буланиным могла произойти такая же история, какая произошла с автомобилем и этим бродягой — и тогда товарищу Медведеву пришлось бы как то отвечать за непредусмотрительность, и, во-вторых, генерал Буланин мог попытаться сбежать. Ответная телеграмма из Москвы подтвердила мнение товарища Медведева. Но она была настолько лаконичной, что никаких дальнейших выводов из нее товарищ Медведев сделать не смог. Во главу небольшого отряда был намечен все тот же, сейчас никем незаменимый, майор Иванов, которому товарищ Медведев дал очень туманные и расплывчатые указания, предварительно поговорив об этом с товарищем Берманом.

Товарищ Берман постепенно поправлялся. Он все еще лежал в госпитальной палате, головные боли все еще продолжались, принимая по временам почти нестерпимый характер, — тогда на сцену снова появлялся таинственный шприц. — но в общем товарищ Берман "возвращался в строй".

Однако, товарищ Берман все еще лежал в кровати, и товарища Медведева он встретил тем же привычным лаконическим жестом руки, указывая ему на стул. Сопровождавший товарища Медведева санитар подвинул стул к кровати и сейчас же исчез. Товарищ Медведев грузно и с трудом уселся на стул, его загипсованная и поддерживаемая кронштейном рука указывала куда то в угол комнаты. Жирное его лицо стало одутловатым и желтым, глаза еще больше сузились и в них еще больше обострилось вы-

JUAN SOLONEWITSCH

TERCERA GUERRA MUNDIAL DURARA TRES MESES

Dos tendencias — Incidentes — Exploración psicológica — Principio de la guerra — Primeros días — Improvisación — En la mitad de la guerra — Fin de la guerra.

(Continuación)

Con este dinero fueron formadas rápidamente ocho divisiones rusas, estado mayor y servicio de espionaje. El proceso de organización fué facilitado mucho, gracias a que varias agrupaciones anticomunistas rusas, ya desde tiempo atrás y sin ayuda norteamericana, realizaban servicios de inteligencia. En resumen, a mediados de abril de 195... estas organizaciones en estrecho contacto con el servicio de espionaje norteamericano, habían establecido lo siguiente:

En el frente europeo los soviéticos tienen alrededor de 80 divisiones en primera línea. Estas divisiones pueden separarse en tres grupos. Primer grupo: las partes privilegiadas de la guardia y del ejército de la M.V.D., perfectamente armados y equipados y de mayor confianza del punto de vista de los soviéticos. Segundo grupo: las divisiones de mongoles, menos armados y equipados que el primer grupo, políticamente indiferentes y con poco espíritu militarista. Tercer grupo: — el mayor — las tropas comunes del ejército, bien armadas, mal equipadas y psicológicamente mal equilibradas.

El resumen general del servicio de inteligencia ruso concluía que el campo psicológico, para la U. S. A. en el año 195... era mucho peor que para Alemania en el 1941.

De la simpatía hacia el esclavizado pueblo ruso habló en 1951 Mr. Truman, pero también de la misma simpatía habló en 1941 Hitler. Las divisiones soviéticas en 195... creían a Mr. Truman mucho menos que en 1941 a Hitler. La diferencia sin embargo consistía en que Hitler no tenía ni una división rusa y la U.S.A. tenía ocho. En la guerra Germano-Soviética, más exactamente al principio de dicha guerra, se entregaron voluntariamente a Alemania, o fueron capturados, alrededor de seis millones de hombres, que en vez de ser utilizados en el frente común de lucha contra el comunismo, fueron enviados por los alemanes a los campos de concentración donde reinaba el hambre y la muerte. En 195... los especialistas rusos "en los asuntos rusos" que tenían ya una experiencia de 35 años de lucha real contra el comunismo, afirmaban categóricamente, que a pesar de todos los invoncenientes, la U. S. A. tenía grandes probabilidades de convertir al soldado rojo en el soldado ruso que pelearía contra los comunistas. A estos especialistas les fueron dados tres días de tiempo para hacer este ensayo.

(Continuará)

"НАША СТРАНА" — газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции!

Всю корреспонденцию, предназначенную для Редакции и Издательства "НАШЕЙ СТРАНЫ" — простую, заказную и денежную — следует направлять по адресу:

Vsevolod Dubrowsky,
"NUESTRO PAIS"
Casilla de Correo 2847,
Buenos Aires, Argentina

На складе у всех представителей "НАШЕЙ СТРАНЫ" ИВАН СОЛОНЕВИЧ "ДИКТАТУРА ИМПОТЕНТОВ" Цена 2 ам. доллара

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847
Buenos Aires
Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Paraguay: Tijonovich, Calle Montevideo 496 — Asunción.
Brasil: Leo Rubanoff, Caixa postal 10657 Bras. Sao Paulo.
Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunel Santa Iñes, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.
Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padin 2128 (por Beaucheff altura 1705), Santiago de Chile.

U. S. A.:

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.
Mr. A. Klushkin, 2765½ Mac Allister str., San Francisco 18, Calif.
Mr. Paul Likhodey, 551 West 178 Str., New York, 33, N. Y.
Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

CANADA

Mr. G. Malysheff, 1530 W 7 Ave. Vancouver B. C.

EUROPE:

Germany: Brit. Zone. Frau J. Seuberlich. Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.
Germany: Brit. Zone. Th. Seuberlich, Wolfsburg k. Gifhorn, Postfach 63.
Francia: Mr. A. Krivocheieff, "Kama", 27, rue de Villiers, Neuilly s|Seine, Seine.
Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles
Italia: Sr. Prof. B. Sciriaev. Campo AMP Pagani (Salerno)

ASIE:

Iran: Leon Popoff, 273, Ave Ferdowsi, Teheran.

AUSTRALIA:

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane.
Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.
Polyglot, Bookshop, 182 George Str., East Melbourne, Vic.
Mr. A. D. Amosoff, 12 Challis Flatts, 46 Victoria Str., Potts Points, Sydney, N. S. W.

Imprenta "Dorrego", Dorrego 1102 - Bs. Aires

ражение какой то давней озлобленности.

—Ну-с? — спросил Берман лаконически.

—Итак, — сказал товарищ Медведев, — этот генерал все таки двигается на дубинскую заимку. Слово "генерал" товарищ Медведев произнес в несколько ироническом тоне: среди старых партийцев возврат к еще более старому чинопочитанию не встречал никакого энтузиазма. Они сами считали себя выше каких бы то ни было чинов, и чины как то шли вразрез со всем их революционным прошлым. Кроме того, в данном случае термин "генерал" мог относиться и к советскому служебному положению Буланина ,но мог относиться и к антисоветскому.

—Так-с, — равнодушно сказал товарищ Берман.

—Я телеграфировал в центр, в Москву. Вы понимаете, иначе было нельзя... Москва приказала отправить вслед за генералом Буланиным небольшой отряд — мало ли что может случиться?

—Как же вы его отправите?

—Генерал Буланин может спуститься, собственно, только на одном озере, — самолет, вероятно, сейчас же улетит обратно — иначе он переполошит всю тайгу. Если этот Светлов не дурак, то на озере он поставит какой то пост — вот генерал Буланин и влип...

Последнее слово товарищ Медведев произнес с таким сладострастием, что товарищ Берман даже приоткрыл закрытые было глаза, — свет вызывал у него головные боли.

—А вам очень хочется, чтобы генерал Буланин влип? — спросил он без всякого выражения в голосе.

—Нет, зачем же, — поспешно поправился товарищ Медведев. —Но всякое может случиться, а, как никак, ответственность за отдел несу все таки я.

—Сейчас вы ничего не несете. А генерал Буланин, я полагаю, все равно не вернется.

—Сбежит? — так же почти неожиданно для самого себя выпалил товарищ Медведев.

—А вам очень хочется, чтобы он сбежал?

Товарищ Медведев посмотрел на Бермана с выражением плохо скрытой свирепости.

—Видите ли, товарищ Берман, — мы с вами все-таки старые партийные работники. Полагаю, что в прятки нам не следует играть... Можете ли вы зажечь для меня спичку? Разрешите закурить? С одной рукой это, знаете ли ,очень неприятно, даже и спичку чиркнуть не выходит...

Товарищ Медведев здоровой рукой полез в карман своего больничного халата и достал коробку папирос. Коробка открывалась туго.

—Дайте, я вам помогу, — любезно предложил товарищ Берман.

Товарищ Медведев затянулся папиросой и продолжал дружески конфиденциальным тоном.

—Мы с вами, товарищ Берман, старые партийные работники, и все, что здесь построено — строили М Ы .

—У-гм, — сказал товарищ Берман.

—Генерал Буланин не так глуп, чтобы не понимать, что с в о и м человеком он здесь не будет никогда. Зачем его держат, я, собственно, не понимаю.

—Наживка, — сказал товарищ Берман равнодушно.

—То есть, как это — наживка?

—Нужно разложить лагерь контрреволюции. В этом лагере люди думают главным образом, сами о себе. Нужно им показать, что здесь им будет лучше, чем там.

—Г-м, — сказал товарищ Медведев. —Ну, и что? Показали?

—Кажется — нет. Не особенно.

—Так что, может быть, думают не только сами о себе?

—Думают, как вы и сами знаете, — по разному. Во всяком случае, самый факт с у щ е с т в о в а н и я генерала Буланина в рядах советского генералитета вносит очень желательный нам психологический фактор.

—Г-м, — сказал товарищ Медведев .—А если он сбежит?

—Это было бы очень нежелательно.

Это было очень нежелательно и товарищу Медведеву, но из соображений менее политического характера. Во-первых, в данный момент, когда товарищ Берман был еще болен, а генерала Буланина и вовсе не было, вся ответственность падала на его, медведевские, плечи. И он уже думал о том, как бы симулировать обострение болезни и уйти в отпуск — пусть тут расхлебывают этого самого Светлова без него. С другой стороны, — в отпуск, конечно, можно было бы уйти, однако, оставался неясным вопрос: удалось ли бы ему после отпуска вернуться на старый пост в Неелове? Лучше этого поста он и придумать для себя не мог: далеко, спокойно — по крайней мере было спокойно до Светлова ,— и сам себе хозяин. Да и не только сам себе. Но самое важное соображение заключалось в том, что, действуя через генерала Буланина, можно было как то подсидеть товарища Бермана. А действуя через товарища Бермана можно было как то избавиться от генерала Буланина, который, впрочем, до сего времени ничем товарищу Медведеву не мешал.

Товарищ Медведев не без основания предполагал, что генерал Буланин знает о всей этой атомной истории безмерно больше, чем знает он, Медведев. Впрочем, больше знать было и немудрено: товарищ Медведев не знал почти вовсе ничего. И главным образом поэтому был безоружен против товарища Бермана. О настоящей роли, которую играл в Москве генерал Буланин, товарищ Медведев мог только догадываться, а его догадки, как оказывается, были довольно далеки от действительности: генерал Буланин играл главным образом роль "наживки", так сказать, образцово показательный белый генерал, ставший на советскую службу родине. Да, в этом качестве, генерала Буланина будут беречь :на эту наживку могут клюнуть еще очень многие. Но если генерал Буланин т о л ь к о наживка, то какую роль может играть он в атомном заговоре и почему именно ЕГО прислали сюда?

Все это было очень неясно. Ясно было только одно: и от Бермана, и от Буланина, по мере возможности, и от Светлова, нужно было отделаться возможно скорей. Светлов, вероятно, исчезнет сам по себе: если до сих пор медведевский отдел Москва никак не информировала об атомном заговоре, то это могло значить только одно: в данном отделе не было никакой атомной организации, его штабквартира была где то в ином месте, а здесь оперировал только какой то летучий отряд. Случайная встреча на случайном перекрестке.

(Продолжение следует).